

“СТРАННЫЕ ВОЙНЫ” В СОВРЕМЕННЫХ КОНЦЕПЦИЯХ ВОЙНЫ И МИРА

Проблема предотвращения войны является актуальнейшей глобальной задачей человечества. Общеизвестно, что накопленного оружия на нашей планете уже достаточно для многократного уничтожения всего живого на Земле. “Ныне как никогда ранее, человечество стоит перед лицом угрозы самоуничтожения...” – отмечается в декларации специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению. Проблема войны и мира в силу своего глобального характера требует и огромных усилий для своего разрешения. И хотя на Саммите тысячелетия Генеральный секретарь ООН констатировал, что “вот уже пятьдесят пятый год мир живет без войн между ведущими державами”, – это не внушает оптимизма при анализе проблемы войны и мира. И связано это с тем, что “в 90-х годах войны велись главным образом внутри государств... эти войны были жесточайшими и привели к гибели более пяти миллионов человек” [1].

Многозначность и диалектическая противоречивость проблемы войны и мира – ее главная особенность в современном, социально-неоднородном динамичном мире.

Всеохватывающее движение прогрессивного человечества против войны повлияло на переоценку значимости проблемы войны и мира, которая в 90-е годы приобрела новое звучание. В военно-стратегических планах ведущих мировых держав произошла переориентация от ведения глобальных войн на проведение **конфликтов низкой интенсивности (КНИ)**, или, так называемых **управляемых конфликтов**.

Советская военная и общественно-политическая наука не уделяла должного внимания переходу от традиционных войн к войнам нового типа, получившим название “странных” войн. В СССР преобладала точка зрения, что решающим фактором современной войны является ядерное оружие, а главную угрозу миру представляет гонка вооружений. А в понимании западных политиков в современном противоборстве вооруженным силам отводится страховочная и обеспечивающая роль. А сама война ведется теми средствами, которые раньше были вспомогательными: политическими, экономическими, информационными, психологическими и другими. И если западные теоретики к концу 80-х годов достаточно полно разработали основы концепции ведения “странных” войн, то отечественные стратеги даже с этим понятием были мало знакомы. Таким образом, “непрямые действия” становятся основным инструментом достижения успеха в международном противоборстве, а основным тактическим приемом становится организация и использование “конфликтов низкой интенсивности”.

Для более полного понимания сущности “странных” войн следует сослаться на Полевую устав вооруженных сил США FM 100-20, принятый еще в 1990 году, по которому “КНИ проводятся с разносторонним сочетанием политических, экономических, информационных и военных инструментов”. Исходя из этого видно, что американская стратегия признает наиболее предпочтительным косвенное, а не прямое, применение американской военной мощи для достижения своих целей. Американские боевые силы нацелены на проведение ударов, рейдов и демонстрации силы в целях защиты американских интересов, устранения враждебных и поощрения дружественных группировок. А собственно боевые операции в КНИ проводятся, прежде всего, с целью психологического воздействия, а точнее давления на противника” [2].

Американские военные операции в КНИ подразделяются на “четыре категории: поддержка мятежа и контрмятежа; борьба с терроризмом; миротворческие операции; операции мирного времени в непредвиденных обстоятельствах. В ходе КНИ могут проводиться операции, включающие две и более из этих категорий” [3]. В “странных” войнах основным видом вооруженных сил становятся специальные подразделения (“зеленые береты” и др.). Силы специальных подразделений имеют важное значение и огромный опыт осуществления таких операций.

К сказанному следует добавить, что, по словам бывшего генерального секретаря НАТО Хавьера Соланы, новая стратегическая концепция этого блока предполагает проведение “военных интервенций *по гуманитарным причинам*” на основе решения руководства Североатлантического Союза, в том числе без соответствующих санкций ООН.

О реальной возможности проведения такой “гуманитарной интервенции” заявил и Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан на Саммите тысячелетия в 2000 г. Считая, что “гуманитарная интервенция – это деликатный вопрос, который сложен в политическом отношении и не имеет простого решения”, тем не менее он подчеркнул, что “у слабых государств гораздо больше шансов стать объектом такой интервенции, чем у сильных государств” [4]. Не случайно подобное миротворчество российские исследователи определили как “полицейское миротворчество”. А по мнению известных белорусских ученых Е.В. Матусевича и Л.Е. Криштаповича “концепция... “гуманитарной интервенции” явно не отвечает реалиям международной и европейской безопасности и не находит сочувствия среди подавляющего большинства стран мира” [5]. Основным инструментом достижения успеха в КНИ является информационно-психологическая война (ИПВ), цели которой следующие:

1. Формирование у населения, в первую очередь у государственно-политической элиты (интеллигенция, чиновничество), государства-противника комплекса неполноценности, неуверенности в своих силах, ослабления воли к сопротивлению и отсутствие уверенности в будущем.

2. Показ всестороннего, в том числе и мнимого, превосходства (научно-технического, интеллектуального, экономического, организационного и др.) над противником. В свое время, поистине роковую шутку с Советским Союзом сыграла пресловутая сверхсекретность. Советские граждане фактически не имели представления о высочайшем уровне развития собственной науки и техники. Засекречивалось все. В результате о достижениях советской науки значительно лучше были осведомлены на Западе, чем в собственной стране. Этим были созданы благоприятные условия для формирования чувства ущербности у широких слоев населения.

3. Расшатывание и подрыв авторитета государственных и политических лидеров и институтов власти государства-противника. В период “холодной” войны

против СССР основной информационный удар был направлен на подрыв доверия к основному институту советского государства – КПСС.

4. Политическая переориентация идеологически неустойчивых элементов в структурах государственной власти и среди населения государства-противника в направлении, выгодном Соединенным Штатам и их союзникам, привлечение к сотрудничеству в различных формах. В итоге высшее руководство страны может возглавить ту “пятую колонну”, которая наносит удар по собственному государству.

Главным методом информационно-психологической войны является пропаганда, через средства массовой информации (СМИ), а также иными способами. В американских пособиях по психологической войне следующим образом сформулирован основной принцип проведения пропаганды: “Чтобы пропаганда достигла сознания противника, она должна быть похожа на правду. Пропаганда должна быть пропитана правдоподобием, должна звучать и выглядеть как можно правдоподобнее, но правдой ей быть вовсе не обязательно” [6].

Поэтому не удивительно, что в качестве основного инструмента современной ИПВ без сомнения выступают СМИ как печатные (газеты, журналы и т.д.), так и электронные (радио, телевидение и т.д.). И в соответствии с потребностями времени в последние десятилетия резко возрастает влияние электронных СМИ. Ведь по силе “поражающего” воздействия СМИ способны приблизиться к самым современным системам вооружения, и особенно в проведении “странных” войн.

В современных “странных” войнах важнейшим элементом ИПВ выступает **смысловая война**, когда “целенаправленно подменяются основополагающие понятия, что запутывает и дезориентирует население, в первую очередь, государственно-политическую элиту, с целью нейтрализации сил национально-государственной ориентации”*. Особенно популярно использование таких понятий-перевертышей, которые наиболее привлекают внимание. Это прежде всего такие термины, как “демократия”, “права человека”, “свобода слова” и т.д. Используя “игру слов”, одни общественные организации называются “демократическими”, “правозащитными”, “независимыми” и т.п., другие именуются, как “фашистские”, “тоталитарные”, “террористические” и т.п. Цель подобного перевертывания – “моральное подавление противника, отсечение широких масс населения от государственных и общественно-политических структур, способных организовать отражение “странной” агрессии со стороны “западного сообщества”. В качестве наиболее яркого примера современной ИПВ можно рассмотреть Балканский кризис. Именно на Балканах мы наблюдали как СМИ из “подсобной инфраструктуры” превратились, по мнению С.Н. Градиловского (главного редактора журнала “Остров Крым”), “в одного из основных субъектов мировой политики”. А Балканский кризис оценивается им же “с точки зрения победы именно в информационной войне”, героем которой общественное мнение Европы признало Дж. Шеа, шефа пресс-службы НАТО, с его “высшим пилотажем” в манипуляции фактами и понятиями” [7].

Вполне закономерно проводниками западных интересов внутри государства, в том числе и во властных структурах, являются вполне конкретные политики, общественные деятели, депутаты, чиновники и т.д. Однако “действуя в интересах внешних сил и содействуя принятию необходимых Западу государственных, политических, экономических и иных решений, эти лица чаще всего с точки зрения закона, а не морали, не совершают противоправных действий”. А лишь вроде бы отстаивают “свою” точку зрения, “свои” убеждения и проводят их в жизнь.

В то же время соответствующие западные службы в различной форме поощряют необходимую им деятельность прозападных политиков, "правозащитников" и т.д. Например, на финансирование подобной деятельности в государствах СНГ, Евросоюзом и США в 1998 г. выделен 1 млн долларов. А для "установления демократии в РБ" в начале 2003 г. Конгресс США выделил 40 млн долларов. Западные службы практикуют в основном дозированное поощрение, постфактум.

Говоря об особенностях информационных войн в XXI в., следует отметить все большее их распространение и возрастающее значение в планах западных политиков. С переходом от индустриального общества к информационному значительное внимание уделяется новейшим видам так называемого "гуманного оружия", т.е. "несмертельным видам оружия и технологиям ведения войн". К ним относятся информационное, психотропное, экономическое, консциентальное оружие и пр. Особое место среди них занимает информационное оружие и технологии ведения информационной войны. По результативности информационное оружие приравнивается к оружию массового поражения.

Атакующим информационным оружием сегодня можно назвать:

- компьютерные вирусы, способные размножаться, внедряться в программы, передаваться по линиям связи, сетям передачи данных, выводить из строя системы управления и т.п.;
- логические бомбы – программные закладные устройства, которые заранее внедряются в информационно-управляющие центры военной или гражданской инфраструктуры, чтобы по сигналу или в установленное время привести их в действие;
- средства подавления информационного обмена в телекоммуникационных сетях, фальсификации информации в каналах государственного и военного управления;
- средства нейтрализации тестовых программ;
- различного рода ошибки, сознательно вводимые противником в программное обеспечение объекта.

Универсальность, скрытность, многовариантность форм программно-аппаратной реализации, радикальность воздействия, достаточный выбор времени и места применения, наконец, экономичность делают информационное оружие чрезвычайно опасным: оно легко маскируется под средства защиты, например, интеллектуальной собственности; оно позволяет даже вести наступательные действия анонимно, без объявления войны. Поэтому задача нейтрализации информационного оружия, отражения угрозы его применения должна рассматриваться как одна из приоритетных задач в обеспечении национальной безопасности страны. Предполагается, что для предотвращения или нейтрализации последствий применения информационного оружия могут оказаться действенными следующие меры: защита материально-технических объектов, составляющих физическую основу информационных ресурсов; обеспечение нормального и бесперебойного функционирования баз и банков данных; защита информации от несанкционированного доступа, искажения или уничтожения; сохранение качества информации (своевременности, точности, полноты и необходимой доступности).

Создание технологий обнаружения воздействий на информацию, в том числе в открытых сетях, – это естественная защитная реакция на появление нового оружия. Экономическую и научно-техническую политику подключения государства к мировым открытым сетям следует рассматривать не ранее, как решив вопрос национальной информационной безопасности. Ведь "в постиндустриальном

обществе информация – не просто товар, а грозное оружие... Надзор за информацией, – подчеркивает С.Н. Градировский, – не уступает военному или экономическому контролю. Поэтому овладение информационной средой и центрами производства гуманитарного продукта массового потребления – стратегическая задача всякой силы, претендующей на власть” [8]. К тому же не следует забывать, что, по мнению психологов, критически усваивать информацию способны 15-25% населения, 75% людей обладает повышенной внушаемостью. Из этого следует вывод о том, что “применение современных способов массовой информации обеспечивает управляемость обществом”.

Запретить разработку уникальных средств познания, которые используются и как информационное оружие невозможно. Поэтому сегодня определено ясно, что в XXI в. миру будет угрожать совершенно новые бескровные войны с применением информации. В разряде же информационных войн особую опасность представляет консциентальная война, т.е. война сознаний. В этой войне психологическое воздействие может осуществляться “непосредственно на сознание, коллективную психику общества, изменяя поведенческие процессы”. В результате консциентальной войны определенные типы сознаний должны быть уничтожены, перестать существовать. В настоящее время эта война направлена “на разрушение общественного сознания, состояния духовности народа”. Можно говорить о том, что из сознания народов постсоветских государств “последовательно вытравливаются такие качества, как патриотизм, честь, братство людей... Вместо этого культивируются жесткость, насилие... Идет целенаправленное уничтожение исторической памяти народа и его будущего” [9].

Можно выделить пять основных способов поражения и разрушения сознания в консциентальной войне:

1. Поражение нейро-мозгового субстрата, снижающее уровень функционирования сознания, может происходить на основе действия химических веществ, длительного отравления воздуха, пищи, направленных радиационных воздействий;

2. Понижение уровня организации информационно-коммуникативной среды, в которой функционирует и “живет” сознание на основе ее дезинтеграции и примитивизации;

3. Окультиное воздействие на организацию сознания путем направленной передачи мыслеформ объекту поражения:

4. Специальная организация и распространение по каналам коммуникации образов и текстов, которые разрушают работу сознания (условно может быть обозначено как психотропное оружие);

5. Разрушение способов и форм идентификации личности по отношению к фиксированным общностям, в целях изменения форм самоопределения вплоть до деперсонализации.

Воздействие, направленное на изменение и преобразование устойчивых связей и стереотипов мышления осуществляют средства массовой информации, и прежде всего, телевидение. Именно в этой области происходят сегодня все основные действия по разрушению российско-русского типа постсоветского сознания. Особенно “социально вредным”, – по мнению В.И. Мухина, – в этом плане “является монополизация средств информации” [10]. Основная цель консциентальной войны по отношению к России: диаспоризация российского народа, фрагментация региональных и социально-стративных общностей на основе разрушения всех существующих связей и стереотипов. Конечная цель использования консциентального оружия – изъятие людей из сложившихся форм

мегаобщностей. Разрушение ментальности народа и превращение его в население происходит за счет того, что никто больше не хочет связывать и соотносить себя с тем политическим этносом, к которому до этого принадлежал. Разрушение сложившихся связей и стереотипов мышления нацелено и на разрушение механизмов включения человека в существующие общности и замена этих, эволюционно-естественно сложившихся, общностей одной полностью искусственной – общностью зрителей вокруг телевизора, поскольку в этом случае на него можно направленно и устойчиво воздействовать, навязывая ему при этом “чужую информацию”. Консциентальное оружие может быть эффективно использовано в самых разных войнах. Его основная функция состоит в том, чтобы разложить и уничтожить народ негодной страны, чтобы он перестал существовать как народ, разделившись на индивидов.

Консциентальная война не может широко осуществляться в условиях вооруженной борьбы государств. В этих условиях консциентальная война будет помогать противнику лишь выявлять беспринципных людей, склонных к предательству. А вот в обстановке формального мира и так называемых локальных войн консциентальная война весьма эффективна.

Новое видение проблемы войны и мира требует и разработки соответствующих ответных мер. Поэтому не случайно 23.06.2000 года Президентом РФ была утверждена “Доктрина информационной безопасности”. Для защиты интересов граждан и государства в информационной сфере требуется решать целый ряд сложных задач.

Переориентация во взглядах на проблемы войны и мира еще больше требует полного и безоговорочного отказа от войны как средства решения международных конфликтов. Такой именно подход характерен для докладов, подготовленных еще в начале 90-х годов Институтом всемирной вахты. А президент этой организации Лестер Браун прямо утверждает о том, что “у мира нет возможности наращивать вооружения и одновременно решать глобальные проблемы” [1].

ЛИТЕРАТУРА

1. **Кофи Анан.** Мы – народы мира: Роль ООН в XXI веке // Международная жизнь. – 2000. – № 1. – С. 10-11.
2. *Military Operations in Low Intensity Conflicts.* Army FM 100–20 / Air Force Pamphlet 3–20. – Wash.: HQ USAF, 5 Dec. 1990.
3. Там же.
4. **Кофи Аннан.** Мы – народы: Роль ООН в XXI веке // Международная жизнь. – 2000. – № 10. – С. 12.
5. **Матусевич Е.В., Криштапович Л.Е.** Исторический смысл образования союзного государства // Перспективы интеграции на рубеже тысячелетий. – Мн., 2001. – С. 236.
6. *Личность.* – 1999. – № 3-4.
7. **Градировский Е.Н.** “Балканское зеркало” и российские интересы // Полис. – 2000. – № 1. – С. 68.
8. Там же.
9. **Мухин В.И.** Об информационной безопасности союзного государства // Перспективы интеграции на рубеже тысячелетий. – Мн., 2001. – С. 254.
10. **Мухин В.И.** Об информационной безопасности союзного государства // Перспективы интеграции на рубеже тысячелетий. – Мн., 2001. – С. 251.
11. **Lester R. Brown.** *The New World Order-State of the World.* N.-Y. 1991. – P. 28-54.

SUMMARY

The main approaches to the problem of war and peace as well as its modern estimation are considered in the article. The peculiarities and specific features of the modern information wars have been shown.